

DOI 10.24412/2686-7702-2023-2-48-57

Концепты «инаковости» в исторической политике современного индонезийского ислама

М.В. Кирчанов

Аннотация. В статье анализируются особенности развития и основные векторы трансформации исторической индонезийской памяти в рамках общественной историко-просветительской организации Jejak Islam Untuk Bangsa как одного из сегментов культурного течения в современной мусульманской умме. Показано, что активность мусульманских интеллектуалов сравнима и сопоставима с ролью и вкладом светских агентов исторической политики и акторов мемориальной культуры. Автор анализирует вклад уммы в функционирование исторической памяти. Предполагается, что мусульманские интеллектуалы активно используют символические ресурсы исторического воображения, конструируя негативные образы Других, что имеет принципиальное значение для современной культуры коллективной исторической памяти в Индонезии. В статье показана роль идеологических противоречий в плюралистическом индонезийском обществе, которые существенно влияют на мемориальные практики и стратегии мусульманских интеллектуалов. Предполагается, что модель коллективной памяти уммы в частности стимулирует развитие политики памяти в целом, актуализируя тенденции суверенизации истории ислама в Индонезии, содействуя его активизации и косвенной легитимации радикальных настроений и идей. В целом в представленной статье показано, что историческая политика с участием мусульманских интеллектуалов генерирует различные виды коллективной памяти, легитимируемые в разных мемориальных культурах, включая попытки суверенизации истории ислама в контекстах политической коллективной памяти Индонезии. Показано, что мусульманское историческое воображение стимулирует одновременное и параллельное соразвитие светской и исламской памяти, основанных на противостоящих мемориальных культурах.

Ключевые слова: Индонезия, ислам, коллективная память, политика памяти, мемориальная культура, мемориальная конфронтация, войны памяти, умма как носитель памяти.

Автор: Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (адрес: 394000, Воронеж, Университетская пл., 1). ORCID: 0000-0003-3819-3103; E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кирчанов М.В. Концепты «инаковости» в исторической политике современного индонезийского ислама // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 2. С. 48–57. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-48-57

Concepts of “otherness” in the historical policy of modern Indonesian Islam

M.V. Kyrchanoff

Abstract. The article analyzes the features of development and the main vectors of transformation of the historical Indonesian memory within the framework of the public historical and educational organization “Jejak Islam Untuk Bangsa” as one of the segments of the cultural trend in the modern Muslim Ummah. It is shown that the activity of Muslim intellectuals is comparable with the same roles and contributions of secular agents of historical politics and actors in memorial culture. The author analyzes the contribution of the Ummah to the functioning of historical memory. It is assumed that Muslim intellectuals actively use the symbolic resources of the historical imagination, constructing negative images of the Others, which has fundamental importance for the modern culture of collective historical memory in Indonesia. The article shows the role of ideological contradictions in the pluralistic Indonesian society, which affect the memorial practices and strategies of Muslim intellectuals significantly. It is assumed that the model of the collective memory of the Ummah in particular stimulates the development of the policy of memory in general, actualizing the trends of the sovereignization of the history of Islam in Indonesia, contributing to its activation and inspiring indirect legitimization of radical sentiments and ideas. In general, the presented article shows that the historical politics with the participation of Muslim intellectuals generates various collective memories legitimized in different memorial cultures, including attempts to sovereignize the history of Islam in the wider contexts of the political collective memory of Indonesia. It is shown that the Muslim historical imagination stimulates the simultaneous and parallel co-development of secular and Islamic memories based on opposing memorial cultures.

Keywords: Indonesia, Islam, collective memory, politics of memory, memorial culture, memorial confrontation, wars of memory, ummah as a bearer of memory.

Author: Kyrchanoff Maksym V., Doctor of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History, Voronezh State University (address: 1, Universitetskaya sq., Voronezh, 1394000, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3819-3103; E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kyrchanoff M.V. (2023). Kontsepty “inakovosti” v istoricheskoy politike sovremennogo indoneziyskogo islama [Concepts of “otherness” in the historical policy of modern Indonesian Islam]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 48–57. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2023-2-48-57

Введение

Функционирование и успешное развитие современных обществ вне зависимости от политических систем и режимов невозможно представить без использования правящими элитами фактов прошлого для реализации своих собственных целей и решений задач, стоящих перед ними. История в подобных ситуациях может использоваться как для легитимации власти, принадлежащей политическим элитам, так и для мобилизации масс во время проведения электоральных циклов в случае необходимости.

Подобные манипуляции с фактами прошлого в современном мире применяются повсеместно. Манипулятивные политические и интеллектуальные практики, которые элиты используют для обеспечения собственной власти с применением символического ресурса истории, известны и хорошо описаны в историографии как историческая политика или политика памяти. Не является исключением из этой универсальной логики идеологически мотивированного использования истории и инструментализации прошлого и современная Индонезия, где историческая политика отличается рядом существенных особенностей, что позволяет выделять индонезийский опыт развития и функционирования мемориальной культуры среди многочисленных других форм применения и использования прошлого в политических и идеологических целях.

Политика памяти в Индонезии. Индонезийская политика памяти характеризуется отсутствием институционализированных акторов. Вместе с тем значительную роль в формировании исторической повестки дня, которая формально призвана консолидировать общество, играют правящие политические светские элиты. Именно ими, с одной стороны, и лояльным академическим сообществом профессиональных историков, привлекаемым в качестве второстепенного и вспомогательного актора, иницируется компания актуализации и визуализации прошлого в общественных и публичных пространствах. Вместе с тем, начиная с конца 1990-х гг. индонезийское общество развивается как множественное, что стало позитивным следствием процессов демократического транзита в результате отстранения от власти в 1998 г. президента Сухарто.

Демократизация индонезийского социума и политической сферы самым существенным образом определила основные траектории и векторы восприятия истории. В условиях сложившегося политического и интеллектуального плюрализма число акторов, вовлечённых в функционирование современной индонезийской коллективной исторической памяти, значительно, а их состав и структура отличаются гетерогенностью. Политика памяти в Индонезии реализуется достаточно широким числом участников. Несмотря на то, что в стране не созданы специализированные институты национальной памяти, одну из ведущих ролей в исторической политике играет государство, которое фактически выступает в качестве основного заказчика мемориальной культуры и гаранта мира между носителями различных форм памяти.

Ислам в индонезийской исторической политике. Особое место среди агентов исторической политики в Индонезии занимает мусульманская умма. Ислам традиционно играет одну из значительных и ведущих ролей в обществе Индонезии. Поэтому точку зрения уммы и её взгляды на историю игнорировать затруднительно, к её мнению вынуждены прислушиваться и светские элиты. Интерпретации истории ислама на протяжении второй половины XX века отличались наличием значительного числа противоречий, так как мусульманские националисты, внёсшие существенный вклад в развитие индонезийского национализма и достижение политической и государственной независимости, оказались фактически политическими маргиналами. Светские власти предпочитали в значительной степени игнорировать интересы политического ислама, видя в нём угрозу и используя в сложившейся ситуации только умеренные тренды индонезийского ислама, но почти исключительно для решения собственных задач, связанных с легитимацией монопольного контроля политической власти.

В такой ситуации демократизация в целом не могла не повлиять на индонезийский ислам как политический фактор и на мусульманских интеллектуалов не только как участников исторической политики, но и как носителей современной версии мемориальной культуры в частности. Поэтому на протяжении 2000–2020-х гг. индонезийское общество активно генерировало новые смыслы и интерпретации собственного исторического опыта, что фактически содействовало одновременному и параллельному развитию нескольких альтернативных форм коллективной исторической памяти. Подобные мемориальные культуры ранее могли не только соотноситься именно с интересами ислама, но и отличались значительной степенью маргинальности. В свою очередь, демократизация Индонезии и усиление исламского фактора привели к тому, что к началу 2020-х гг. умма фактически успела сформировать свою собственную коллективную память и мемориальную культуру, что превратило мусульманских интеллектуалов в важных участников исторической политики, с мнением которых периодически вынуждены считаться и светские власти.

Цель и задачи. В центре представленной статьи – активность общественной организации Jejak Islam Untuk Bangsa (далее – JIB), которая в современной Индонезии играет одну из ведущих ролей в формировании и развитии коллективной памяти, основанной на исламе в качестве системного фактора. Целью статьи является анализ деятельности JIB в развитии современной мемориальной культуры Индонезии. В число задач входит: 1) изучение особенностей и направлений развития мусульманской версии исторической коллективной памяти; 2) выяснение основных направлений «проработки прошлого», которые предпринимаются со стороны уммы через призму актуализации образов Другого; 3) выявление роли мемориальной мусульманской культуры как фактора в развитии антилевых настроений в современной политической культуре.

Политика памяти и образы Другого

Сама природа и политический характер, как указывает немецкая исследовательница Ю. Шеррер, «плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого» [Шеррер 2009: 90], что в индонезийском случае развития мемориальной культуры проявляется в активности мусульманских интеллектуалов. Именно поэтому историческая политика, реализуемая активистами JIB, направлена на консолидацию и укрепление индонезийской национальной и политической идентичности, центральным компонентом которой являлся бы ислам. В подобной ситуации религиозно-центричная модель исторической политики и формируемой ею мемориальной культуры основана на решительном неприятии точки зрения, согласно которой мусульманам не следует «использовать ислам как основу государства, потому что ислам – это только один из образов жизни, принадлежащий одной группе, а в Индонезии помимо ислама есть и другие группы»¹.

В этом отношении активность уммы в исторической политике, вероятно, позволяет усомниться в универсальности секулярных ценностей за пределами европейского мира, так как опыт мусульманских индонезийских интеллектуалов свидетельствует о том, что религия не в полной мере утратила свои позиции в современном мире. Она продолжает «представлять

---

¹ Diponegoro A. Natsir dan Imaji Tentang Negara // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2019. December 19. URL: <https://jejakislam.net/natsir-dan-imaji-tentang-negara/> (дата обращения: 30.05.2023).

собой систему значимых смыслов, оказывающих влияние на другие системы и сферы общественной жизни, в том числе на культурную память» [Bogumił, Yurchuk 2022: II], которая в Индонезии в значительной степени отягощена политическими и идеологическими противоречиями. Поэтому участие мусульманских интеллектуалов не только содействует политизации коллективной исторической памяти, но и превращает её в пространство мемориальных конфликтов.

Историки, как полагает украинский исследователь Я. Грыцак, оказываются «вовлечёнными в поиск новых парадигм для написания истории» [Hrytsak 2004: 231] в результате политических трансформаций, которые, например, проявляются в форме демократического транзита. Последний в Индонезии начался в 1998 г., но в процессы формирования нового отношения к прошлому и, как следствие, мемориальной культуры оказались вовлечены не только академические историки, но и мусульманские интеллектуалы, что актуализировало множественность «проработок прошлого» в индонезийских политических реалиях. Поэтому мусульманские участники политики памяти в создаваемой ими мемориальной культуре особое внимание были вынуждены уделять тем угрозам и вызовам, с которыми сталкивается Индонезия. Формирование такой модели памяти невозможно без активного использования образов Другого, что предусматривает их конструирование со стороны интеллектуалов. Деятельность мусульманских активистов именно в этом направлении содействует тому, что в Индонезии история и память актуализируют свои качества «арены политической борьбы с внешним и внутренним противником» [Миллер 2009: 11].

Именно этим в рамках проводимой ими мемориальной политики занимаются активисты ЛВ. В историческом воображении мусульманских авторов на статус универсальных Других претендуют колониальные голландские власти, в вину которым ставится подавление освободительного движения и казнь некоторых лидеров вооружённого сопротивления², преследование верующих, ограничение хаджа, конфискация литературы на арабском языке. Им же в вину ставится усиление китайского меньшинства с целью угнетения индонезийцев в XIX веке³, а в XX столетии – нежелание предоставлять Индонезии независимость и затягивание переговорного процесса⁴.

Поэтому в современном обществе «члены социальной группы будут опираться на общие воспоминания и исторические нарративы, чтобы поддержать свою групповую идентичность и общие цели. Эти коллективные воспоминания отличаются от профессиональной истории тем, что групповая солидарность является целью, для достижения которой и происходит воспоминание» [Yamashiro, Van Engen, Roediger 2022: 84]. В целом, именно поэтому в современной мусульманской мемориальной культуре выдвигаются негативные оценки западного колониализма, так как европейцы стремились использовать территории будущей Индонезии «для получения финансовой выгоды, а их стремление познать яванское общество привело к разграблению богатств яванской

---

² Marasabessy M. Panglima Batur: Panglima Dayak Islam // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. March 11. URL: <https://jejakislam.net/panglima-batur-panglima-dayak-islam/> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Ryansyah A. Keturunan Tionghoa di Mata Bung Hatta // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2017. September 11. URL: <https://jejakislam.net/keturunan-tionghoa-di-mata-bung-hatta/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Al-Zahra N. Mohamad Roem Merepotkan Delegasi Belanda // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2023. April 19. URL: <https://jejakislam.net/mohamad-roem-merepotkan-delegasi-belanda/> (дата обращения: 30.05.2023).

культуры»⁵. Активисты политики памяти, связанные с уммой, подчёркивают, что колониализм при помощи ориентализма не смог сформировать для западного сознания объективный образ ислама, так как «без колебаний проявлял жестокость по отношению к местному населению», отличаясь «нежеланием хорошо узнать коренных мусульман»⁶.

Претензии со стороны современных мусульманских мемориальных активистов в отношении бывшей метрополии многочисленны. В вину голландским чиновникам и интеллектуалам ставится не только использование научных достижений в области востоковедения для оправдания угнетения индонезийцев⁷, но и стремление их насильственной ассимиляции, навязывание им искусственных политических ценностей и принципов. Именно поэтому подчёркивается пагубность колониальной политики, представленной попытками «уничтожить и стереть учение о джихаде, подчинив исламскую политику современной западной светской политике»⁸. Колониальная администрация в историческом воображении воспринимается как антиисламская институция – поэтому современные активисты исторической политики в её мусульманской версии настаивают, что многочисленные факты богохульства в отношении ислама стали возможны благодаря исключительно деструктивному влиянию со стороны голландцев⁹.

В современных обществах, включая индонезийское, «передача коллективной памяти представляет собой не стабильный процесс, а объект перемещения, так как происходит рост фрагментации памяти и разные социальные группы пытаются конструировать своё прошлое различно» [Outhwaite, Ray 2005: 183], что в реалиях Индонезии проявляется в растущей мемориальной активности мусульманских интеллектуалов. В целом, формируя негативный образ голландских властей и позитивный преследуемых ими мусульманских активистов, современными агентами политики памяти подчёркивается, что эти политические Другие стремились пресечь попытки «спасения мусульманских стран от колониализма неверных стран»¹⁰. Именно с влиянием «неверных» в современной мемориальной культуре Индонезии связывается появление и развитие других угроз исламу, представленных попытками христианизации и распространением масонства.

Антикоммунизм как универсалия культуры памяти индонезийского ислама

Параллельно формированию и продвижению положительного образа ислама в новейшей истории Индонезии мусульманскими активистами исторической политики предпринимаются

⁵ Rizkiyansyah B. Pengetahuan dan Kolonialisme (2): Raffles dan Studi Muslim di Jawa // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. March 8. URL: <https://jejakislam.net/pengetahuan-dan-kolonialisme-2-raffles-dan-studi-muslim-di-jawa/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Rizkiyansyah B. Pengetahuan dan Kolonialisme (1): V.O.C. dan Muslim di Nusantara // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. March 8. URL: <https://jejakislam.net/pengetahuan-dan-kolonialisme-1-v-o-c-dan-muslim-di-nusantara/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ Rizkiyansyah B. Snouck Hurgronje di Mekkah: Politik (dan) Memeluk Islam (Bagian 2) // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2022. August 20. URL: <https://jejakislam.net/snouck-hurgronje-di-mekkah-politik-dan-memeluk-islam-bagian-2/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁸ Politik Haji Snouck Hurgronje // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2018. August 16. URL: <https://jejakislam.net/politik-haji-snouck-hurgronje/> (дата обращения: 30.05.2023).

⁹ Rizkiyansyah B. Nadhlatul Ulama Melawan Penistaan Agama Islam // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2023. March 22. URL: <https://jejakislam.net/nadhlatul-ulama-melawan-penistaan-agama-islam/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹⁰ Artawijaya, Perjuangan KH Achmad Dachlan: Membendung Arus Gerakan Kristenisasi dan Freemasonry // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2015. August 7. URL: <https://jejakislam.net/perjuangan-kh-achmad-dachlan-membendung-arus-gerakan-kristenisasi-dan-freemasonry/> (дата обращения: 30.05.2023).

попытки консолидировать и реанимировать антикоммунистический дискурс, хотя фобии и предубеждения в отношении левых характерны для индонезийской политической культуры в целом [Кирчанов 2022]. Усиливая антикоммунистические тенденции в культуре исторической памяти, современные мусульманские интеллектуалы ссылаются на авторитет Мухаммеда Натсира, который в своей полемике с левыми утверждал, что «коммунисты надеются, что страна исчезнет, когда их конечная цель будет достигнута. Анархисты хотят как можно скорее отменить государство. Мы, мусульмане, считаем, что должны поддерживать государство, пока в мире существуют люди»¹¹.

Историческая память, по мнению европейских историков, «помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в новых обществах, которые ещё продолжают развивать политическое сообщество» [Brüggemann, Kasekamp 2008: 426]. В Индонезии историческая политика консолидации содействует в меньшей степени, чем политика фрагментации, так как мусульманские интеллектуалы как активные участники политики памяти, продвигая антикоммунистические нарративы, консолидируют только определённые группы, способствуя фрагментации общества в целом. Развитие исторической памяти в современной Индонезии актуализирует в значительной степени универсальную ситуацию, когда история воспринимается как «в большей степени некий прикладной инструмент, нежели независимая отрасль научного знания» [Сембинов 2003: 182].

Именно поэтому в мемориальной культуре индонезийских мусульман коммунизм фигурирует как системная угроза исламу. Например, в вину коммунистам ставится то, что на протяжении 1950-х – первой половины 1960-х гг. они организовывали незаконные захваты земли, жертвами которых становились именно верующие мусульмане, что определяется современными мусульманскими интеллектуалами как «провокации против мусульман» и попытка «реализации коммунистической идеологии в Индонезии». Её проявлением стало распространение и усиление «антибожественных доктрин»¹², что позволяет не только формировать и поддерживать образ коммунизма как политического и идеологического универсального Другого, но и актуализировать собственный опыт мученичества [Murphy 2022] уммы в противостоянии с леворадикальной альтернативой.

Если для европейских обществ «деидеологизация истории имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определённого взгляда на историю как инструмент в создании идентичности» [Cvijic 2008: 713], то индонезийский социум не готов воспринимать прошлое опосредованно, то есть в режиме деидеологизации, так как мемориальная культура, в том числе в мусульманской версии, основана на идеологически мотивированном видении прошлого. Поэтому в современном мемориальном дискурсе, формируемом мусульманскими активистами, переворот 1965 г. и последующие репрессии против левых оправдываются тем, что верующие мусульмане, по их мнению, были основными жертвами коммунистического террора 1950–1960-х гг.¹³. Культивируя антикоммунистические нарративы в современной мемориальной культуре, её

¹¹ Wilandra S.S. Mohammad Natsir, Agama, dan Negara (bagian 1) // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. September 1. URL: <https://jejakislam.net/moh-natsir-agama-dan-negara-bagian-1/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹² Tomi, Hidayatullah Z. Antara 1959 – 65: Di Bawah Naungan Rezim Nasakom // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2017. January 20. URL: <https://jejakislam.net/antara-1959-65-di-bawah-naungan-rezim-nasakom/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹³ Lesus R. Rekonsiliasi dan Renungan (1): Luka Sebelum '65 // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2016. October 14. URL: <https://jejakislam.net/rekonsiliasi-dan-renungan-luka-sebelum-65/> (дата обращения: 30.05.2023).

мусульманские участники активно используют ресурсы устной истории, цитируя воспоминания очевидцев коммунистического террора против мусульман, по словам которых, на протяжении 1965 г. имели место случаи, когда «внезапно множество людей прибыли в мечеть, войдя в неё, не снимая обуви. Они положили Коран в мешок и потом растоптали его у нас на глазах... Они грабили, а затем пытали, издевались над женщинами, оскорбляли, разгромили мечеть»¹⁴.

В современном индонезийском обществе, как и в других пространствах коллективной памяти, «существуют транснациональные и глобальные особенности памяти и практик воспоминания, которые иногда бросают вызов или дополняют формирование национальной памяти» [Azizbeyli 2018: 195]. В случае Индонезии такая угроза, связанная с институционализацией активной памяти, исходит от мусульманских интеллектуалов, склонных к суверенизации не только своего сообщества в частности, но и истории ислама в целом, что создаёт угрозу секулярной мемориальной культуре. Вероятно, именно поэтому коммунизм в современной мемориальной культуре мусульман функционирует как универсальный коллективный Другой, который ставил под сомнение основания ислама. Поэтому история коммунизма редуцируется до истории антиисламского террора и насилия¹⁵. Подобно тому, что «ни одна из стран Центральной и Восточной Европы (кроме Польши) не проходила через очную ставку с собственным прошлым» [Траба 2009: 43], в Юго-Восточной Азии Индонезия в 2000–2020-е гг. была вынуждена вести активную «проработку прошлого», вспоминая болезненный и травматический опыт, связанный с подавлением как коммунизма, так и радикального исламизма, локализуя коммунистические образы в культуре коллективной памяти, формируемой, в том числе, и мусульманскими интеллектуалами.

Выводы

Историческая политика, проводимая мусульманскими агентами и акторами коллективной памяти, относится к числу относительно эффективных и достаточно важных средств, которые используются как лидерами уммы, так и правящими политическими элитами. Индонезийские мусульмане активно используют символические ресурсы исторического прошлого, подвергая историю уммы пересмотру и ревизии, что интегрирует прошлое в число политически значимых ресурсов, делая интерпретации и восприятие прошлого в публичных и общественных пространствах зависимыми от идеологической конъюнктуры.

В этом отношении мусульманские интеллектуалы практически ничем не отличаются от своих светских коллег, так как, подобно им, не только формируют свои собственные версии исторической памяти и связанные с ней мемориальные культуры, но и активно участвуют в процессах конструирования истории, воображения и изобретения прошлого, наделяя его искусственно предписываемыми смыслами. Поэтому активность мусульманских интеллектуалов в рамках проведения исторической политики представляется важной в силу того, что участие верующих в «проработке прошлого» может содействовать ревизии

¹⁴ Lesus R. Peristiwa Kanigoro: Ketika Al Quran Kami Dilecehkan // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2020. October 14. URL: <https://jejakislam.net/peristiwa-kanigoro-ketika-al-quran-kami-dilecehkan/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹⁵ Ryansyah A. Pemberontakan PKI Madiun 1948: (6) Pembantaian Ulama dan Santri // Jejak Islam Untuk Bangsa. 2016. October 3. URL: <https://jejakislam.net/pemberontakan-pki-madiun-1948-6-pembantaian-ulama-dan-santri/> (дата обращения: 30.05.2023).

коллективной памяти, продвигая образы одних событий в ущерб другим, которые могут подвергаться маргинализации, и в их отношении начинают действовать механизмы коллективной социальной и исторической амнезии, вытеснения на фронтиры или периферии мемориальной культуры. Вместе с тем участие уммы в проведении исторической политики отражает родовые травмы этой политической практики и использования прошлого как символического ресурса в целом.

Мусульманские интеллектуалы в целом смогли сформировать свою версию коллективной исторической памяти, предназначенной для описания и осмысления коллективного опыта уммы, но такая мемориальная культура в значительной степени является вторичной, реагируя на инициативы светской исторической политики. Достижения уммы в направлении выработки собственной мемориальной культуры и институционализации вклада мусульман в историческую память становятся всё более заметными по мере роста влияния политического ислама, что указывает как на важность, так и на необходимость дальнейших исследований культуры исторической коллективной памяти основы социума современной Индонезии – индонезийских мусульман.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кирчанов М.В. Восприятие коммунизма в современной политике памяти Индонезии: между «возвращением» и «забвением» // Восточный курьер. 2022. № 2. С. 25–35.
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–24.
- Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 176–191.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64.
- Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 89–108.

REFERENCES

- Kirchanov M.V. (2022). Vospriyatiye kommunizma v sovremennoy politike pamyati Indonezii: mezhdru «vozvrashcheniyem» i «zabveniyem» [The Perception of Communism in Modern Indonesian Memory Politics: Between “Return” and “Oblivion”]. *Vostochnyj kur'yer [Oriental Courier]*, 2: 25–35. (In Russian).
- Miller A. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: power and history]. *Pro et contra*, 3–4: 6–24. (In Russian).
- Scherrer J. (2009). Germaniya i Frantsiya: prarabotka proshlogo [Germany and France: Working through the Past]. *Pro et Contra*, 3–4: 89–108. (In Russian).
- Sembinov M. (2003). Stanovleniye natsional'noy istorii Kazakhstana [Formation of the National History of Kazakhstan]. K. Eyermacher, G. Bordyugov (Eds.) In: *Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National histories in the Soviet and post-Soviet states]*, Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XX: 176–191. (In Russian).
- Traba R. (2009). Pol'skiye spory ob istorii v XXI veke [Polish Disputes about History in the 21st Century]. *Pro et Contra*, 3–4: 43–64. (In Russian).

* * *

- Azizbeyli Z. (2018). The politics of memory: an introduction. *Sosyal Bilimler Dergisi*. XI(1): 186–213.
- Bogumił Z., Yurchuk Y. (Eds.). (2022). *Memory and Religion from a Postsecular Perspective*. L.: Routledge, 448 p.

-
- Brüggemann K., Kasekamp A. (2008). The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia, *Nationalities Papers*, 36(3): 425–448.
- Cvijic S. (2008). Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*, 36(4): 713–740.
- Hrytsak Y. (2004). On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine. *Ab Imperio*, 1: 229–254.
- Murphy A.R. (2022). Theorizing Political Martyrdom: Politics, Religion, Death, and Memory. *Political Theology*, 30(1): 1–21. DOI: 10.1080/1462317X.2022.2125118
- Outhwaite W., Ray L. (Eds.) (2005). Modernity, Memory and Postcommunism. *Social Theory and Postcommunism*. L. – NY.: Blackwell Publishing Ltd: 176–197. DOI: 10.1002/9780470773345
- Yamashiro J., Van Engen A., Roediger H. (2022). American origins: Political and religious divides in US collective memory, *Memory Studies*, 15(1): 84–101. DOI: 10.1177/1750698019856065
-

Поступила в редакцию: 31.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Received: 31 May 2023

Accepted: 11 June 2023